
Ключи
от чужого дома

Милана Панова

Ключи от чужого дома

«Автор»
2026

Панова М.

Ключи от чужого дома / М. Панова — «Автор», 2026

Вера Соколова — медсестра в маленьком Заречинске. У неё дочь, муж, который всё чаще задерживается в гараже, и лучшая подруга, которой она доверяет как себе. Однажды ночью в больницу привозят Антонину Ветлугину, хозяйку «Хлебного дома», на хлебе которой выросла половина области. Увидев на шее медсестры старый серебряный медальон, парализованная старуха из последних сил выводит левой рукой имя — имя Вериной мамы.Тридцать лет назад деревенская девушка пела у печей хлебозавода, а сын директрисы не мог отвести от неё глаз. Потом были письма, которые так и не дошли, деньги, брошенные в лицо, и авария на ночной трассе.Теперь Вере предстоит войти в чужой богатый дом, где ей улыбаются и желают зла. Генетический тест скажет «ноль процентов», а вина за смертельный укол ляжет на неё. Но у правды есть свои ключи: старый чемодан на чердаке, пишущая машинка с прыгающей буквой и хлеб, испечённый по маминому рецепту.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночная смена 6
Глава 2. Буквы левой рукой 11
Глава 3. Чемодан на чердаке 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Милана Панова
Ключи от чужого дома

Ключи от чужого дома
Роман

Глава 1. Ночная смена

В Заречинске есть одна больница, один мост через Волгу и одна дорога на Ярославль, которую каждую осень обещают отремонтировать. Вера Соколова знала все три наизусть. По мосту она ходила на работу, по дороге раз в год ездила в областной центр за зимними сапогами для дочери, а в больнице проводила больше времени, чем дома, — так, во всяком случае, утверждал её муж.

В тот октябрьский вечер она пришла на смену на двадцать минут раньше. В сестринской пахло растворимым кофе и чьими-то духами с ванилью. Медсестра Люда Карпова, лучшая Верина подруга со времён медучилища, сидела на подоконнике и красила ногти прозрачным лаком.

— Ты чего так рано? — Люда подула на пальцы. — Опять дома весело?

— Игорь смотрит футбол, — Вера повесила куртку на крючок. — А когда «Шинник» проигрывает, лучше быть где угодно, только не в одной комнате с ним.

— «Шинник» всегда проигрывает.

— Вот и я о том.

Люда засмеялась, спрыгнула с подоконника и сунула Вере листок с назначениями. Смену она сдавала торопливо, глотая окончания слов: в четвёртой палате дед с давлением капризничает, в шестой новенькая после аппендицита, капельницу ей поставили, а заведующий, Николай Степанович, ушёл на пенсию окончательно, сегодня вручили грамоту и сервиз, и теперь вместо него будет какой-то московский.

— Говорят, вдовец, — Люда понизила голос. — Сорок с хвостиком. Сам попросился в нашу дыру, представляешь? Кто в здравом уме из Москвы в Заречинск поедет?

— Тот, кому в Москве хуже, чем здесь, — сказала Вера.

Люда посмотрела на неё внимательно, будто хотела что-то спросить, но передумала. Застегнула пальто, намотала на шею длинный шарф цвета спелой вишни, которого Вера раньше у неё не видела, и выскользнула за дверь. В коридоре простучали каблуки.

Вера постояла минуту у окна. Внизу, на парковке, под единственным работающим фонарём Люда села не в автобус, а в машину, тёмную, с заляпанными грязью номерами. Машина мигнула фарами и уехала. Вера отвернулась. У каждого своя жизнь, и Люда давно говорила, что «появился один человек». Подробностей не рассказывала — сглазить боялась.

Ночь начиналась тихо. Дед из четвёртой палаты дважды вызывал медсестру: сначала потому, что ему душно, потом потому, что сквозит. Вера закрыла форточку, открыла форточку, измерила давление, послушала про то, как в восемьдесят шестом году он на тракторе вытащил из кювета «Волгу» секретаря райкома. Эту историю она слышала уже трижды и каждый раз узнавала новые подробности: в первый раз секретарь был пьяный, во второй — с любовницей, теперь выяснилось, что любовница была женой председателя колхоза.

— Вот ты смеёшься, — обиделся дед, — а мне за это потом квартиру дали.

— Я не смеюсь, Пётр Ильич. Я завидую. Мне за всю жизнь даже комнату не дали.

— Так ты кого из кювета вытащила?

Вера подумала.

— Много кого. Только они все без «Волг» были.

В половине первого в приёмном зазвонил телефон, а через двадцать минут к крыльцу, разбрызгивая лужи, подкатила скорая. Фельдшер Толя Мухин, долговязый, вечно небритый, вкатил каталку в коридор и сказал своим обычным, будто сонным голосом:

— Принимайте. Женщина, семьдесят восемь лет, на трассе под Сосновкой. Водитель говорит, ехали из Ярославля, ей стало плохо прямо в машине. Речь нарушена, правая рука не работает. Похоже на инсульт. Дежурный невролог где?

— В районе дежурного невролога нет с две тысячи девятнадцатого, — ответила Вера, уже наклоняясь над каталкой. — Звони терапевту, Сергею Ивановичу, он на втором этаже спит.

Женщина на каталке не была похожа на тех старушек, которых обычно привозили в Заречинскую больницу. На ней было пальто из тонкой серой шерсти, на пальце — кольцо с тёмным камнем, седые волосы уложены так, как укладывают в хорошей парикмахерской, а не перед зеркалом в прихожей. Лицо перекосило, правый угол губ опустился, но глаза смотрели ясно и зло — так смотрит человек, который всю жизнь распоряжался другими и вдруг не может распорядиться собственной рукой.

— Как вас зовут? — спросила Вера громко и отчётливо. — Вы меня слышите? Сожмите мою руку, если слышите.

Левая ладонь стиснула её пальцы с неожиданной силой.

— Хорошо. Очень хорошо. Сейчас мы вам поможем.

Водитель, мужчина лет пятидесяти в кожаной куртке, мял в руках кепку у дверей.

— Ветлугина её фамилия, — сказал он. — Антонина Павловна. Я её двадцать лет вожу. Она мне велела ехать в Заречинск, адрес какой-то сунула, а по дороге вот... Я её сына набрал уже, Глеба Андреевича, он выезжает.

Фамилия ни о чём Вере не говорила. Точнее, говорила то же, что и любому жителю области: на каждой второй булке в местных магазинах стояло «Хлебный дом Ветлугиных», а на въезде в Ярославль висел огромный рекламный щит с улыбающейся девочкой и надписью «Как у бабушки». Вера никогда не думала, что у этих булок есть настоящая бабушка.

Следующие два часа слились в одно. Сергей Иванович, разбуженный и злой, пришёл в мятом халате, посмотрел, послушал, велел срочно делать томограмму, вспомнил, что томограф сломан с понедельника, выругался и велел готовить к перевозке в областную. Потом позвонили из областной и сказали, что реанимационной машины до утра не будет. Потом у Антонины Павловны подскочило давление, и Вера стояла рядом, пока капала капельница, и следила, чтобы та не сорвала катетер здоровой рукой.

Около четырёх старуха успокоилась. Дыхание выровнялось. Вера поправила ей подушку и хотела уйти, но Антонина Павловна вдруг открыла глаза. Взгляд остановился на Верином горле.

Вера машинально коснулась шеи. Под воротом форменной блузы висел на тонкой цепочке маленький медальон — серебряный овал с гравировкой в виде колоска. Цепочка часто выбивалась наружу, когда Вера наклонялась. Медальон достался ей от матери. Других вещей от матери почти не осталось: две фотографии, свидетельство о рождении и этот колосок.

Левая рука старухи поднялась — медленно, дрожа, — и пальцы сомкнулись на медальоне.

— Ни... — выдохнула Антонина Павловна. — Ни...

— Тише, тише. Вам нельзя волноваться.

— Ни-на.

Вера замерла.

Ниной звали её маму. Нина Соколова, умерла в девяносто шестом году, когда Вере было три с половиной. Воспаление лёгких, запущенное, потому что работала на ферме до последнего и в больницу не шла. Так рассказывала тётя Галя.

— Откуда вы... — начала Вера и осеклась. Откуда парализованная старуха может знать имя её матери? Ниной зовут каждую пятую женщину того поколения. Просто совпадение. Бред, спутанное сознание, это бывает после инсульта.

Но пальцы не разжимались. И глаза — светлые, почти прозрачные — блестели от слёз.

— Ни-на, — повторила Антонина Павловна, и из правого, неподвижного уголка глаза по щеке скатилась капля.

Вера осторожно разогнула её пальцы, один за другим, и уложила руку на одеяло.

— Спите, — сказала она тихо. — Утром разберёмся.

Утром разобраться не получилось.

Ровно в семь у крыльца остановился чёрный внедорожник, из которого вышли трое. Первым — крупный мужчина лет пятидесяти пяти с тяжёлым, будто вырубленным из дерева лицом, в расстёгнутом пальто; за ним — женщина в бежевом костюме, светловолосая, тонкая, с таким прямым позвоночником, словно её с детства водили на бальные танцы; последним — молодой парень в спортивной куртке, с заспанными глазами и телефоном в руке.

— Где моя мать? — спросил мужчина у вахтёрши тёти Шуры.

Тётя Шура, которая за тридцать лет видела в этом холле и пьяных лесорубов, и прокурора области, и однажды даже лося, перепутавшего больницу с лесом, не растерялась.

— Бахилы наденьте, — сказала она. — Синенькие. Пятнадцать рублей.

Мужчина посмотрел на неё так, будто она заговорила по-китайски. Женщина в бежевом молча достала из сумочки тысячную купюру и положила на стойку.

— Сдачи не надо.

— Сдачи у меня и нет, — согласилась тётя Шура и выдала три пары бахил.

Вера к тому времени сдавала смену. Сменщица опаздывала, и Вера, не сомкнувшая глаз всю ночь, сидела на посту, заполняя журнал. Когда троица появилась в коридоре, она поднялась.

— Вы родственники Ветлугиной?

— Я её сын, — мужчина протянул руку, потом, видимо, сообразил, что медсёстрам руки не жмут, и неловко опустил. — Глеб Андреевич. Это моя жена, Жанна Викторовна. И сын, Кирилл. Как она?

Вера коротко рассказала. Стабильна, давление сбили, речь нарушена, правая сторона не работает. Томограф сломан, перевозка ожидается.

— Перевозка не нужна, — сказала Жанна Викторовна. Голос у неё был ровный, приятный, как у дикторши, которая читает прогноз погоды. — Мы забираем её в Ярославль сами, в частную клинику. Машину с реанимационным оборудованием уже заказали, будет через час. Подготовьте, пожалуйста, документы.

— Решать будет врач.

— Разумеется. Позовите врача.

Сергей Иванович, к счастью, ещё не ушёл. Он вышел в коридор, пожевал губами, поглядел на дорогое пальто Глеба Андреевича и сказал, что не возражает, если транспортировка будет с реанимационной бригадой.

Вера проводила их в палату. Антонина Павловна не спала. Увидев сына, она чуть повернула голову. Увидев невестку — отвернулась к стене.

— Мама, — Глеб Андреевич присел на край кровати и взял её за здоровую руку. Вера заметила, как у него дрогнул подбородок, по-детски, некрасиво. — Мама, что ж ты... Куда тебя понесло ночью? Зачем? Мы же договорились, что ты в пятницу к врачу...

Антонина Павловна молчала.

— Антонина Павловна, — Жанна наклонилась с другой стороны. — Мы вас сейчас заберём домой. В «Медлайн», к Арсению Борисовичу. Там палата отдельная, всё есть. Хорошо?

Старуха медленно повернула голову. Посмотрела на невестку. Потом на Веру, стоявшую у двери. И левой рукой, той, что слушалась, отчётливо и упрямо постучала по одеялу. Раз. Другой. Третий.

— Нет, — сказала она. Слово вышло искажённым, но понятным. — Нет. Здесь.

— Мама, тут даже томографа нет!

— Здесь.

Наступила тишина. Кирилл оторвался от телефона. Жанна выпрямилась.

— Она не понимает, что говорит, — произнесла она спокойно, ни к кому конкретно не обращаясь. — После инсульта такое бывает. Спутанность сознания. Правда же? — Это уже было адресовано Вере.

— Бывает, — ответила Вера. — Но решать, конечно, не мне.

Антонина Павловна снова подняла руку и указала пальцем. На Веру.

— Она, — выговорила старуха. — Пусть. Она.

Глеб Андреевич растерянно переводил взгляд с матери на медсестру.

— Вы... знакомы с ней?

— Впервые вижу, — честно сказала Вера. — Её привезли ночью, я дежурила.

— Мама, это медсестра. Она тут работает. Она не может...

— Она, — повторила Антонина Павловна, и в голосе прорезалось что-то такое, от чего её взрослый сын втянул голову в плечи, как школьник.

Жанна улыбнулась. Улыбка вышла безукоризненной.

— Ну что ж, — сказала она. — Если Антонине Павловне здесь спокойнее, пусть полежит пару дней. Мы привезём всё необходимое и поговорим с вашим главврачом. Как вас зовут?

— Вера.

— А фамилия?

— Соколова.

— Вера Соколова, — повторила Жанна, будто пробуя на вкус. — Хорошо. Спасибо, Вера.

Когда они ушли, Вера ещё раз заглянула в палату. Антонина Павловна лежала с закрытыми глазами. Казалось, она спит. Но когда Вера уже взялась за ручку двери, раздался шёпот:

— При-ди.

— Я приду, — пообещала Вера. — Вечером. У меня следующая смена в восемь.

Домой она шла пешком, через мост. Ветер с Волги был сырой и настойчивый, лез под куртку, трепал волосы. На середине моста Вера остановилась и достала медальон из-под ворота. Колосок, тонкая гравировка. С обратной стороны — две буквы, полустёртые от времени: «А. В.». Она всегда думала, что это инициалы мастера. Или прежней владелицы. Тётя Галя говорила, что мама купила медальон на рынке в Ярославле.

«А. В.» Вера постояла, глядя на серую воду. Потом спрятала медальон и пошла дальше.

Дома было тихо. Даша уже ушла в школу — в прихожей не было её розового рюкзака, зато на полу валялся одинокий носок с котом. На кухне стояла немытая сковородка с остатками яичницы и пустая банка из-под пива. Ещё одна, сплющенная, лежала у мусорного ведра — до ведра она не долетела.

Игорь спал на диване в зале, отвернувшись к стене, в джинсах и свитере. Телевизор работал без звука: показывали утреннюю передачу про здоровье, и ведущая с серьёзным видом держала в руках муляж печени.

Вера выключила телевизор. Убрала банки. Помыла сковородку. Подобрала носок с котом и положила в корзину для белья.

Телефон Игоря лежал на подлокотнике, экраном вверх. Он завибрировал, когда Вера проходила мимо, и на экране всплыло сообщение. Вера не собиралась читать. Она никогда не читала его переписку, считала это ниже своего достоинства. Но экран был прямо перед глазами, а сообщение — коротким.

«Ты ей уже сказал? Л.»

Вера постояла над телефоном, пока экран не погас.

Потом пошла в спальню, легла поверх покрывала, не раздеваясь, и долго смотрела в потолок, где в углу расползалось жёлтое пятно от прошлогодней протечки. Соседи сверху обещали заплатить за ремонт. Тоже прошлой осенью.

«Ты ей уже сказал?»

Сказал — что?

Уснула она только через час, и ей приснилась незнакомая большая кухня с медными кастрюлями на стене, и запах свежего хлеба, и женский голос, который звал кого-то по имени, но имени Вера так и не разобрала.

Глава 2. Буквы левой рукой

— Кто такой Л.? — спросила Вера вечером, когда Даша ушла в свою комнату делать уроки.

Игорь стоял у холодильника и пил кефир прямо из пакета. Вопрос застал его на глотке, он поперхнулся, закашлялся, вытер подбородок тыльной стороной ладони.

— Какой ещё Л.?

— Тебе утром писал. «Ты ей уже сказал?» Подпись «Л.».

— Ты в моём телефоне копаешься?

— Он лежал экраном вверх. Я мимо шла.

Игорь поставил пакет в холодильник, захлопнул дверцу сильнее, чем требовалось. Магнитик с Анапой, привезённый из их единственной совместной поездки на море, съехал и упал на пол.

— Лёха это, — сказал он. — Из гаража. Я ему денег должен, он спрашивает, сказал ли я тебе. Ну вот. Должен. Двадцать тысяч. Довольна?

— За что двадцать тысяч?

— За карбюратор. Вер, я не хочу сейчас. Устал.

Он вышел. Вера подняла магнитик, повертела в руках. На магнитике было солнце, пальма и надпись «Анапа ждёт тебя». Пальм в Анапе, насколько она помнила, не было. Было много людей, кукуруза в пакете и Игорь, который весь отпуск обгорал и злился. Тогда Даше было три года, и она называла море «большой ванной».

Вера прилепила магнитик обратно. Ниже, чем был. Он упрямо съезжал.

Лёха из гаража подписывался бы «Лёха». Или вообще никак. Вера знала Лёху пятнадцать лет: тот путал «тся» и «ться» и ставил три восклицательных знака даже в поздравлениях с Восьмым марта.

Она взяла сумку и пошла на смену.

Антонину Павловну перевели в отдельную палату — ту самую, что держали для «особых случаев», то есть для родственников главврача и одного депутата районной думы. Пока Веры не было, туда принесли новую кровать с электрическим подъёмником, тумбочку, телевизор, вазу с белыми хризантемами и упаковку дорогой минеральной воды. Главврач, Тамара Леонидовна, встретила Веру на лестнице и сообщила, что «Хлебный дом» передал больнице в дар новый томограф. Тамара Леонидовна сияла, как ёлка на площади.

— А ещё, — сказала она, — Жанна Викторовна просила, чтобы к Ветлугиной ходила только ты. Ну, по крайней мере, по ночам. Пожилые люди капризны, сама понимаешь, к кому привыкнут... Справишься?

— Справлюсь.

— Вот и умница. И ещё, Вера... — Тамара Леонидовна оглянулась по сторонам. — Аккуратнее там. Сама знаешь, какие люди. Чуть что — жалоба в министерство. Нам этого не надо.

В палате горел ночник. Вера открыла дверь и остановилась на пороге.

На стуле у кровати сидел мужчина. Незнакомый. В свитере, в джинсах, без халата и бахил. Он держал в руках историю болезни и читал её, наклонив голову к свету. Антонина Павловна спала.

У Веры похолодело в животе. Посторонний. Ночью. С документами. Она не думала ни секунды — схватила с тумбочки у двери тяжёлый металлический лоток для инструментов и сказала громко, тем самым голосом, которым когда-то разгоняла пьяных в приёмном покое:

— Положите. Медленно. И объясните, кто вы.

Мужчина поднял голову. Посмотрел на лоток. Потом на Веру. У него было худое, усталое лицо, коротко стриженные волосы с ранней сединой на висках и очки в тонкой оправе, которые он снял и аккуратно положил на колено.

— Если вы собираетесь меня этим ударить, — сказал он вполголоса, кивнув на спящую, — то, пожалуйста, не здесь. Разбудим.

— Кто вы?

— Громов. Павел Андреевич. С завтрашнего дня, а точнее, — он посмотрел на часы, — уже с сегодняшнего, заведующий этим отделением. Приехал последней электричкой, в общежитие меня пустят только утром, а в гостинице, оказывается, ремонт. Решил, раз уж всё равно не спать, познакомлюсь с самой тяжёлой пациенткой. Вы, наверное, Вера Соколова. Мне Тамара Леонидовна про вас говорила.

Вера медленно опустила лоток.

— Что говорила?

— Что вы лучшая медсестра в районе. И что у вас тяжёлый характер. — Он помолчал. — Насчёт характера, кажется, не преувеличила.

— А халат вы почему не надели? И бахилы?

— Каюсь. Бахилы в Москве не продают за пятнадцать рублей. Я не был готов к такому уровню сервиса.

Вера не улыбнулась, хотя очень хотелось. Она поставила лоток на место, подошла к кровати, проверила капельницу, пульс. Громов наблюдал за ней молча.

— Вы откуда в Заречинск? — спросила она, не оборачиваясь.

— Из Первой градской. Неврология, потом заведовал. Шестнадцать лет.

— И что вас сюда принесло?

— Электричка, — сказал он. — Я же говорил.

Это был ответ, который означал «не ваше дело». Вера его поняла и больше не спрашивала. Люда утром узнает подробности раньше всех, она всегда узнавала.

Громов полистал историю ещё немного, потом встал.

— Знаете, что меня беспокоит? — сказал он. — Она ехала сюда. Не через Заречинск, а именно сюда. Водитель сказал, у неё был адрес. Женщина под восемьдесят, с давлением, с диабетом, с двумя стентами, срывается из Ярославля в полночь и едет в маленький город, где у неё, насколько я понимаю, нет ни родни, ни дел. Что ей здесь было нужно?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. А хотелось бы. Иногда у инсульта есть причина помимо сосудов. Сильный стресс, например. Узнать бы, что её так напугало, — проще было бы её вытаскивать.

Он ушёл. Вера осталась.

Антонина Павловна проснулась около двух. Долго смотрела на Веру. Потом медленно подняла левую руку и пошевелила пальцами в воздухе — будто что-то пишет.

— Вы хотите написать? — догадалась Вера.

Кивок.

Вера нашла на посту блокнот и толстый фломастер — тонкой ручкой парализованному человеку писать неудобно, тем более не той рукой. Подложила под блокнот книгу, чтобы было твёрдо. Вложила фломастер в пальцы.

Первая буква вышла огромной и кривой, на пол-листа. Вторая налезла на первую. Антонина Павловна раздражённо зарычала, отбросила фломастер.

— Ничего, — сказала Вера. — Давайте по-другому. Я буду переворачивать страницу. Одна буква — одна страница. Хорошо?

Кивок.

Это заняло почти час. Старуха уставала, роняла фломастер, отдыхала, закрыв глаза, потом снова требовательно шевелила пальцами. Вера терпеливо подавала, придерживала блок-

нот, переворачивала листы. Буквы выходили корявые, как у первоклассника, но разобрать было можно.

Н. И. Н. А.

— Нина, — сказала Вера. — Я поняла. Вы говорили. А дальше?

С. О. К.

Вера перестала дышать.

О. Л. О. В. А.

Блокнот лежал у неё на коленях. Девять листов, по одной кривой букве на каждом. Нина Соколова.

— Вы знали мою маму, — сказала Вера. Это был не вопрос.

Глаза старухи наполнились слезами. Она снова потянулась к фломастеру. Новая страница. Ещё одна. Ещё.

Г. О. Д.

— Год? Какой год?

Палец ткнул в Веру.

— Год моего рождения? Девяносто второй. Двенадцатое марта девяносто второго.

Антонина Павловна закрыла глаза. Губы задрожали. Она что-то шептала, долго, неразборчиво, левая половина рта двигалась, правая оставалась мёртвой. Вера наклонилась к самым губам и разобрала только одно слово, повторённое несколько раз, как молитву:

— Андрюша. Андрюша. Андрюша.

Потом старуха снова потянулась к блокноту, но рука дрогнула и упала на одеяло. Монитор пискнул — давление поползло вверх. Вера отложила блокнот, вызвала дежурного, сделала укол, который он назначил. Через двадцать минут давление выровнялось, и Антонина Павловна уснула — тяжело, со свистом.

До утра Вера сидела на посту, разложив перед собой листки. Нина Соколова. Год. Андрюша.

Кто такой Андрюша? Старший сын? Но сына зовут Глеб. Глеб Андреевич. Значит, Андрей — муж? Отец Глеба? Мама умерла в девяносто шестом, ей было двадцать четыре. Двадцать четыре — и никакой связи с семьёй, которая печёт хлеб для половины области. Мама доила коров на ферме в Ольховке, жила с сестрой в деревянном доме с печкой, а по воскресеньям, как рассказывала тётя Галя, пекла пироги с капустой и пела.

Про отца тётя Галя не рассказывала никогда.

«Нагуляла, — говорила она коротко, когда маленькая Вера спрашивала. — От городского. Уехал и с концами. Не спрашивай, Верка, не трави душу».

Вера и не спрашивала. Лет в тринадцать она решила, что отец — какой-нибудь командировочный инженер, который строил в Ольховке зерносушилку и уехал, едва закончив. Эта версия её устраивала. Инженер был далеко, никого не обижал и ни на что не претендовал.

Андрюша.

«А. В.» на обороте медальона.

В шесть утра в отделение пришла Люда — раньше, чем следовало, с пакетом пирожков из привокзального ларька. Она выглядела невыспавшейся, но довольной, и шарф цвета вишни снова был у неё на шее.

— Ну что? — спросила она с порога. — Видела московского? Говорят, ночью приехал. Какой?

— В очках, — сказала Вера.

— И всё?

— Без бахил.

— Ну ты даёшь, Соколова. — Люда протянула пирожок. — С картошкой. Ешь, ты зелёная вся. Чего у тебя с лицом?

Вера взяла пирожок. Посмотрела на подругу. Люда всегда угощала её пирожками, приносила таблетки от головной боли, когда у Веры была мигрень, сидела с Дашей, когда Даша болела ветрянкой. Пятнадцать лет. Медучилище, общежитие, Верина свадьба — Люда была свидетельницей и поймала букет.

— Люд, — сказала Вера, — ты Игорю ничего не пишешь?

Пауза была крошечной. Секунда, не больше. Люда даже не перестала жевать. Но Вера её заметила, и Люда заметила, что Вера заметила.

— Игорю? С чего бы? — Люда фыркнула. — Он мне в прошлом месяце колесо подкачал, так я ему спасибо написала. Это считается?

— Не знаю, — сказала Вера. — Наверное, нет.

Она доела пирожок, хотя есть не хотелось. Сдала смену. Переоделась. И когда спускалась по лестнице, увидела в окне парковку: Люда стояла у входа, курила и быстро набирала что-то в телефоне. Люда не курила с выпускного.

Блокнот с девятью листами лежал у Веры в сумке.

Она не пошла домой. Она пошла на автобусную остановку и села в старый «пазик» до Ольховки.

Глава 3. Чемодан на чердаке

Ольховка за последние двадцать лет усохла, как яблоко, забытое на подоконнике. Ферма, где когда-то работала Верина мать, стояла без крыши, и в проёмах окон росли тонкие берёзки. Магазин переехал в бывший медпункт, а медпункт закрыли совсем. Из сорока дворов жилыми осталось двенадцать, и в одном из них, в синем доме с резными наличниками, который Верин прадед поставил ещё до войны, жила тётя Галя.

Тётя Галя была старше Нины на одиннадцать лет. Замуж она так и не вышла, детей своих не завела, и когда сестра умерла, без разговоров взяла трёхлетнюю племянницу к себе. Вырастила, выучила, отправила в медучилище, а потом, когда Вера вышла за Игоря и переехала в Заречинск, осталась одна — с курами, огородом и телевизором, по которому смотрела все сериалы подряд и ругала героинь за глупость.

— Явилась, — сказала она вместо приветствия, открыв калитку. — Без звонка. Значит, что-то стряслось. Игорь?

— Нет. То есть... не только.

— Заходи. Чайник горячий.

Чайник у тёти Гали был горячим всегда. Она ставила его утром и не выключала до вечера, подливая воду, будто в доме в любую минуту могли появиться гости. Гости появлялись редко. Чайник ждал.

Вера села за стол, покрытый клеёнкой в подсолнухах. Достала из сумки блокнот. Положила перед тёткой девять листов.

Тётя Галя надела очки, которые висели у неё на груди на верёвочке. Прочла. Сняла очки. Снова надела. Лицо у неё стало серым.

— Это кто писал?

— Антонина Павловна Ветлугина. Её позавчера к нам привезли с инсультом. Она ехала в Заречинск. Говорят, у неё был адрес.

Тётя Галя ничего не сказала. Она встала, налила чай в две кружки, поставила на стол вазочку с вареньем, нарезала батон. Движения были обычными, хозяйскими, но руки дрожали так, что половина варенья оказалась на клеёнке.

— Тёть Галь.

— Подожди.

— Тёть Галь, я двадцать девять лет ждала.

— Тридцать четыре, — машинально поправила тётка. — Тебе тридцать четыре.

— Про отца я спрашивать перестала в пять. Так что ждала двадцать девять.

Тётя Галя опустилась на табуретку. Посмотрела в окно, где на ветке рябины сидела ворона и сосредоточенно долбила ягоду.

— Обещала я ей, — сказала она глухо. — Нине. Перед смертью обещала. Что ты никогда не узнаешь. Что не пойдёшь к ним. Она боялась, понимаешь? До смерти боялась, что ты к ним пойдёшь, а они тебя растопчут. Как её растоптали.

Вера молчала. За окном ворона расправилась с ягодой и принялась за следующую.

— В девяносто первом, — начала тётя Галя, — у нас тут вообще работы не стало. Колхоз разваливался, зарплату не платили, давали комбикормом. Нинка поехала в Ярославль, на хлебозавод. Второй хлебозавод, на Московском проспекте, может, слышала? Его потом Ветлугины и выкупили. А тогда он был государственный, и директором там была она. Антонина. Железная баба. Её весь завод боялся, даже мужики. Нинку взяли в цех, тесто месить, общежитие дали.

Она отхлебнула чай, обожглась, не заметила.

— А у Антонины сын был. Старший. Андрей. Он тогда институт закончил, пищевой, технолог, и мать его на завод поставила, чтобы учился дело вести. Вот он в цех и ходил. Ну и...

— Познакомились.

— Познакомились, — тётя Галя криво усмехнулась. — Нинка красивая была, ты не помнишь. Ты на неё похожа, только она волосы не стригла, коса до пояса. И пела. Песни все знала — и старые, и новые, и «Ласковый май», и Зыкину. Он, видно, и влюбился, как она пела у печей. Летом девяносто первого она мне писала — каждую неделю. Что Андрей хороший, что не такой, как мать, что зовёт её замуж. А потом осенью приехала. Беременная. Четвёртый месяц.

— И что?

— А то. Приехала, сказала: Андрей поехал матери говорить, что женится. Сказал, через неделю приедет за ней, познакомится со мной, свадьбу в Ольховке сыграем. Неделю ждала. Две. Месяц. Каждый день на почту бегала, письмо ждала. Ни одного. А в декабре... — тётя Галя замолчала, сжала губы.

— В декабре приехала она.

— На чёрной «Волге». С шофёром. В шубе. Стояла вот тут, у печки, в шубе, и не садилась. Сказала, что Андрей передумал. Что он уехал учиться в Германию и просил передать, чтобы Нина его не искала. Что он молодой, что ошибся, что у него другая жизнь. Положила на стол конверт с деньгами. Много. Мы таких денег сроду не видели. И сказала: «Это на ребёнка. Больше не просите. И не приезжайте никогда».

— Мама взяла?

— Нинка конверт ей в лицо бросила, — сказала тётя Галя, и в голосе мелькнула старая гордость. — Прямо в лицо. Деньги по полу разлетелись. А та подобрала их — сама, на колени встала, в шубе своей, подобрала, — положила обратно на стол и ушла. Ни слова больше не сказала.

Вера вспомнила лицо старухи в больничной палате. Светлые глаза. Слеза, катящаяся из мёртвого уголка.

— Деньги потом... — тётя Галя опустила глаза. — Деньги я потом взяла, Вер. Не судите. Ты родилась в марте. Нинка после родов болела, работать не могла. Есть было нечего. Я на эти деньги крышу перекрыла, корову купила, тебе коляску. Нинке лекарства. Она не знала. Я сказала, что в райсобесе пособие дали.

— А Андрей?

Тётя Галя посмотрела ей прямо в глаза.

— А Андрей разбился. В октябре девяносто второго. На трассе под Ростовом Великим, на машине. Я в газете прочитала, в областной. Некролог был. «Трагически погиб молодой перспективный руководитель». Нинке я газету не показала. Она так и умерла, думая, что он в Германии и что он её бросил.

Ворона за окном улетела. Ветка рябины ещё качалась.

— Почему она умерла, тёть Галь? По-настоящему. Не воспаление лёгких, а — почему?

— Да воспаление и было, — тихо сказала тётка. — Только лечиться не хотела. Работала через силу, на ферме, в мороз. Я её в больницу гнала, а она — «потом, потом». Мне кажется, она устала, Верка. Просто устала ждать.

Они долго сидели молча. Чай остыл. Тётя Галя встала, вылила его в раковину и налила новый, и Вера поняла, что тётка просто не знает, куда деть руки.

— У неё вещи остались? — спросила Вера.

— На чердаке. В чемодане. Я как сложила тогда, так и не трогала. Рука не поднималась.

Лестница на чердак была крутая, с перекладинами, отполированными тремя поколениями ног. Наверху пахло пылью, сушёными травами и мышами. Под самой крышей, где сходи-

лись балки, стоял старый фибровый чемодан с металлическими уголками, обклеенный изнутри газетами за восемьдесят седьмой год.

Вера спустила его вниз и поставила на стол, сдвинув чашки.

Внутри лежало немногое. Платье в мелкий синий цветочек, аккуратно сложенное. Пара туфель на невысоком каблуке, со сбитыми носами. Вязаная кофта. Детский чепчик с кружевом — Вера поняла, что это её чепчик, и у неё защипало в носу. Тетрадка с рецептами, исписанная круглым почерком: «Пирог с капустой (как у бабушки Дуни)», «Кулич пасхальный», «Хлеб на закваске — как Андрюша учил».

Как Андрюша учил.

Под тетрадкой лежали фотографии. Немного, штук десять, чёрно-белые и одна цветная, выцветшая до розоватого. На цветной — набережная, Волга, белые колонны ротонды. Молодая женщина с длинной косой смеётся, запрокинув голову. Рядом с ней — парень в светлой рубашке, высокий, худой, с крупным носом и такими же светлыми, почти прозрачными глазами, как у старухи в больничной палате. Он смотрит не в объектив, а на неё. Так смотрят, когда больше ни на что смотреть не хочется.

Вера перевернула фотографию. На обороте фиолетовой шариковой ручкой: «Мы с Андреем. Стрелка. Июль 1991. Навсегда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.